

ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)¹

.....

Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В.

Глухова Александра Викторовна, Воронежский государственный университет,
394088, Россия, Воронеж, ул. В. Невского, 15
Эл. почта: avglukhova@mail.ru

Кольба Алексей Иванович, Кубанский государственный университет, 350040,
Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Эл. почта: alivka2000@mail.ru

Соколов Александр Владимирович, Ярославский государственный университет,
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
Эл. почта: alex8119@mail.ru

В статье представлены результаты исследования, проводившегося в сентябре 2017 г. в трёх крупных региональных центрах России — Воронеже, Краснодаре, Ярославле. Исследование проводилось в форме экспертного опроса. Экспертам было предложено ответить на вопросы (полуоткрытого и открытого типа), распределённые по нескольким блокам. Главными задачами исследования стали: определение значимости факторов, влияющих на возникновение городских конфликтов; выявление основных субъектов городских конфликтов и механизмов их взаимодействия; исследование конструктивных и деструктивных последствий городских конфликтов; изучение форм развития городских конфликтов и условий, влияющих на их протекание в той или иной форме; выявление механизмов и способов управления городскими конфликтами и зависимость их использования от институциональной среды, а также направленность их использования; оценка эффективности внутренних и внешних коммуникаций конфликтующих групп; рассмотрение форматов и интенсивности их освещения в информационном пространстве. На основе ответов экспертов рассмотрена специфика конфликтности в трёх указанных городах, а также проведён сравнительный анализ, позволивший сделать общие выводы.

По результатам исследования установлены наиболее значимые факторы конфликтности, выделены основные типы и субъекты городских конфликтов (общественность, власть, бизнес), выявлена структура конструктивных и деструктивных взаимодействий между ними, определены институциональные и коммуникативные проблемы в их отношениях. Авторы приходят к выводу, что взаимодействия субъектов конфликтов не сбалансированы (в частности, властные структуры не в полной мере выполняют роль

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ-РФФИ, проект № 16-03-00402 «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

третьей стороны в конфликтах), что порождает проблему реализации интересов больших сегментов городского сообщества. Данная проблема угрожает его стабильности и чревата ростом социальной напряженности в городской среде.

Ключевые слова: городской конфликт, политические институты, политические коммуникации, общественность, власть, бизнес, городское сообщество.

Проблемы городских конфликтов — одно из значимых направлений исследований в современных социально-гуманитарных науках. Это обусловлено в особенности частотой возникновения конфликтных ситуаций в городской среде и ростом факторов конфликтности на локальном уровне социальных отношений. Последнее связано с усложнением социальной структуры городского сообщества и взаимодействий внутри него, современными трендами в развитии городов и повышенным вниманием к комфортности городской жизни, появлением новых каналов коммуникации. На объективно порождаемые противоречия накладываются политико-управленческие факторы, главным из которых, на наш взгляд, является разбалансированность механизмов согласования интересов различных сегментов городского сообщества и имплементации достигаемых соглашений. В частности, это актуально для российских городов, в первую очередь крупных. Жизнь горожанина в них можно рассматривать через систему координат конфликтов различного типа и интенсивности. Однако в большинстве случаев мы имеем весьма ограниченные и плохо верифицируемые данные об этих процессах. Получение и анализ эмпирической информации становится важным условием дальнейшего исследования городских конфликтов и совершенствования практик политического управления ими.

Анализ публикаций по указанной тематике позволяет утверждать, что в настоящее время российские исследователи при наличии устойчивого интереса к ней в основном анализируют отдельные аспекты городской конфликтности, как правило, на примере конкретных городов (см., например: Тыканова, 2013; Тыканова, Хохлова, 2014; Тыканова, Широконова, 2015; Байнова, 2015; Дворникова, 2015). Зачастую эти исследования имеют весьма абстрактный характер и обходятся без анализа эмпирических данных (см., например: Котляров, 2017; Иванов, Ильинская, 2017). Также существует и тенденция к рассмотрению положения дел в российских городах на основе наблюдения, проводимого отдельными исследователями, что позволяет перейти к обобщению полученных фактов. К примеру, российский исследователь Е. Б. Чернова утверждает: «Общая проблема российских городов состоит в том, что в принятии градостроительных решений доминируют частные, а не общегородские интересы» (Чернова, 2014). Таким образом, на современном этапе исследований городских конфликтов в России имеются достаточно разрозненные представления о них, не опирающиеся на большой массив эмпирических данных. Наиболее часто в фокус внимания исследователей попадают аспекты конфликтности, связанные с градостроительной деятельностью, прочие же остаются в тени. В какой-то степени восполнить эти пробелы призвано исследование, проведенное нами в рамках

проекта «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

Исследование проводилось в форме экспертного опроса (сентябрь 2017 г.) в трёх крупных региональных центрах Российской Федерации — Воронеже, Краснодаре и Ярославле. Такой подход даёт возможность делать выводы и рекомендации по отдельным городам, а также на основе сопоставления данных делать выводы в общероссийском масштабе. Всего в опросе было задействовано 36 экспертов, представлявших разные профессиональные группы: сотрудники органов власти и управления регионального и муниципального уровня; представители бизнес-структур и НКО; представители академического сообщества. Целью исследования было выяснение мнения экспертов по поводу факторов и причин городских конфликтов, состава и структуры взаимодействий их участников, форм развития, механизмов управления и коммуникации. В данной статье представлены результаты опроса. Её структура сформирована следующим образом: сначала рассматриваются кейсы отдельных городов, потом анализ и обобщение результатов опроса в целом, затем выводы.

Эксперты о городских конфликтах (Воронеж)

Большинство экспертов приняли предложенное авторами определение городского конфликта как столкновения интересов различных субъектов, действующих в рамках городского сообщества, по поводу проблем локального уровня, формирующихся в его социальном пространстве. Уточнения касались рамок пространства (отмечалось также *политическое пространство*) и функциональной роли конфликтов (как *столкновений, выявляющих проблемы городского пространства*).

В отношении факторов, оказывающих влияние на развитие городских конфликтов, репертуар ответов был достаточно широк, покрывая практически весь спектр предложенных в анкете альтернатив (за исключением межэтнических конфликтов, что не может не радовать). Однако лидирующие позиции занимают такие факторы, как *преобладание интересов бизнеса над интересами других сегментов городского сообщества; манипуляции третьих сторон в своих интересах; нежелание власти учитывать интересы горожан; отсутствие коммуникации власти и горожан; жесткие ограничения ресурсов у власти для решения проблем горожан*. В целом в спектре факторов, порождающих конфликтность в городском сообществе, преобладают эндогенные, а не экзогенные факторы, касающиеся преимущественно дефектов коммуникативной и функциональной подсистем городской управленческой системы, а не внешних по отношению к ней воздействий и ограничений.

Большой научный и практический интерес представляет собой вопрос о типах городских конфликтов, наиболее распространенных в конкретном городе. В Воронеже безусловное лидерство имеют градостроительные конфликты — за-

стройка города, особенно в его исторической части, вызывающая справедливое недовольство горожан; состояние городской инфраструктуры, особенно дорог; утверждение планов развития и т.д. Второе место занимают конфликты в социальной сфере — состояние жилищно-коммунального хозяйства, качество работы городских социальных служб и т.д. Еще одним типичным конфликтом для столицы Черноземья являются конфликты в сфере городской инфраструктуры (работа общественного транспорта, городские парковки и т.д.), а также экологические конфликты.

Диагностика основных субъектов в г. Воронеже не вызвала у экспертов серьезных затруднений. Большинство из них сошлось на том, что основными субъектами городских конфликтов выступают прежде всего представители городской и региональной власти и крупный бизнес, особенно строительное лобби. Депутаты, имеющие свои бизнес-интересы, также входят в число субъектов городских конфликтов. Кроме того, в этих конфликтах могут принимать участие жители города или его конкретных микрорайонов; общественные активисты, лидеры общественного мнения, СМИ, представители сферы услуг.

Вместе с тем различно их влияние на функциональную роль конфликтов в рамках городского сообщества: в одних случаях оно направлено на урегулирование, в других — на эскалацию конфликтного противостояния. В этом вопросе оценки экспертов разошлись достаточно радикально. Эксперты — сотрудники органов исполнительной власти оценивают деятельность этих структур более комплиментарно; ученые — преподаватели воронежских вузов, напротив, возлагают вину за конфликтную деструкцию почти исключительно на властные структуры, особенно городскую представительную и исполнительную ветви власти. При этом положительно оценивается почти исключительно деятельность институтов гражданского общества: местных и региональных СМИ; общественных экологических и правозащитных организаций; территориальных сообществ; землячеств, НКО.

Оценивая роль субъективации городских конфликтов, важно выявить потенциал солидарности, способности к созданию коалиций. Большинство воронежских экспертов сошлось на том, что для Воронежа характерно возникновение коалиции из 2–3 субъектов.

Как можно охарактеризовать взаимодействие различных субъектов городских конфликтов? По мнению экспертов, преимущественно конструктивным является взаимодействие следующих субъектов городских конфликтов: городские органы исполнительной власти — бизнес-структуры; городские органы представительной власти — бизнес-структуры; НКО — городские сообщества; НКО — бизнес-структуры. Напротив, преимущественно деструктивно взаимодействие между: городскими органами исполнительной власти и городскими сообществами; городскими органами представительной власти и городскими

сообществами; НКО и городскими органами исполнительной власти; НКО и городскими органами представительной власти.

Отсюда следует, что именно городские власти в лице исполнительных и законодательных органов выступают главными оппонентами горожан, представленными как в сообществах, так и в некоммерческих организациях.

Как показало наше исследование, главным конструктивным последствием конфликтов в г. Воронеже эксперты считают структурирование социального пространства, т.е. формирование городских сообществ, благоприятствующих развитию города. Другим конструктивным последствием названо решение проблемы, вызвавшей конфликт, третьим — увеличение вероятности конструктивного урегулирования подобных конфликтов в дальнейшем.

Что касается деструктивных последствий городских конфликтов, то здесь среди экспертов еще больше определенности. Так, главным негативным последствием практически все эксперты назвали повышение социальной напряженности в городской среде (100%); сохранение причин, способных вызвать подобные конфликты в будущем (88%); ухудшение коммуникации между участниками подобных конфликтов, усугубление проблемы, вызвавшей конфликт (77%).

Для воронежских городских конфликтов характерны преимущественно институционализированные конфликты, большей частью в форме непубличного взаимодействия (переговоры между заинтересованными сторонами, создание коалиций и др.). Так считают 66% экспертов. Кроме того, в Воронеже осуществляются публичные акции как протестного (митинги, пикеты, петиции) (44%), так и конвенционального типа (55%).

Эксперты представили весьма широкую палитру причин, вызывающих протестные формы участия воронежцев в конфликтах. В их числе проблемы, связанные с деятельностью местных властей (невнимание к проблемным ситуациям, отсутствие стремления разрешать их); сложности коммуникации между различными субъектами конфликтов; недостаточное развитие правовых и политических институтов их регулирования; агрессивное поведение отдельных участников, их желание привлечь к себе внимание; материальные проблемы граждан и проблемы их безопасности.

Воронежская общественная жизнь в последние годы дает достаточно примеров для анализа специфики проявления городских конфликтов, имеющих как конструктивное, так и деструктивное развитие. Ответы на открытый вопрос, заданный экспертам, дают исследователю богатую пищу для размышлений.

В числе конфликтов, характеризующихся конструктивными чертами, были названы успешные акции жителей города против застройки зелёных зон, за сохранение ряда культурно-исторических объектов; внедрение регламентации в сфере рекламы и размещения торговых точек. Отмечалось также наведение

порядка в градостроительной сфере губернатором А. В. Гордеевым, *«остановившим архитектурный беспредел»*.

Не менее обширным представляется перечень конфликтов, характеризующихся деструктивным развитием. Они также связаны с градостроительной проблематикой и развитием городской инфраструктуры. Кроме того, отмечались политические (отказ от всенародных выборов мэра) и этнические конфликты.

Конфликтологическая теория исходит из того, что существует пять основных стратегий поведения в конфликте (схема Томаса — Килменна), каждая из которых имеет свои положительные и отрицательные стороны.

По мнению экспертов, городские власти Воронежа чаще всего прибегают к стратегии уклонения, т.е. ухода от решения конфликтной проблемы в надежде, что она рассосется сама собой, либо к стратегии конкуренции, т.е. навязывания оппонентам собственной точки зрения (и соответственно своего интереса). Конкурентная стратегия в большей степени характеризует представительную ветвь городской власти. Что касается региональных властей, то они демонстрируют большую гибкость и нередко прибегают к стратегии сотрудничества. Федеральные органы власти чаще всего уклоняются от конфликтов на местах, перекадывая всю ответственность за них на региональные и местные власти. Остальные субъекты городских конфликтов ведут себя в основном в соответствии с имеющимся ресурсом. Местные и региональные СМИ чаще обнаруживают готовность идти на компромисс; общественные организации, участвующие в решении городских проблем (экологические, правозащитные и т.д.), склонны, скорее, к приспособлению; этнические сообщества и их представители используют широкий репертуар тактик: от приспособления / уклонения до конкуренции. Примечательно, что политические партии, по мнению экспертов, приспособляются к ситуации либо вступают в конкурентную борьбу, тогда как бизнес-структуры преимущественно стремятся к конкуренции, поскольку у них имеется для этого необходимый финансовый и информационный (а нередко и административный) ресурс. Некоммерческие организации и общественные объединения в основном демонстрируют готовность к компромиссу или к сотрудничеству.

Что предлагают эксперты для повышения уровня конструктивности развития городских конфликтов? В плане изменения формальных правил взаимодействия (законов, других нормативных актов) эксперты считают необходимым следующее: расширение участия общественности при принятии решений по развитию города; разработка стратегии развития города; принятие ряда изменений в нормативных актах как федерального, так и местного уровня; более чёткая регламентация деятельности групп давления; развитие системы третейских судов.

Но изменения должны коснуться не только формальных, но и неформальных правил взаимодействия между субъектами городских конфликтов (соглашения между участниками, сложившиеся практики). Эксперты видят их следующим

образом: развитие коммуникаций между участниками конфликтов; признание прав оппонентов иметь собственную позицию; согласие соблюдать установленные правила; расширение неформального взаимодействия участников городской жизни, в том числе через публичные клубы.

Какие каналы используют субъекты городских конфликтов для поддержания внешних коммуникаций? Экспертам было предложено назвать несколько вариантов ответов. Доминирующими ответами стали: официальные каналы (обращения в органы власти, публичные слушания и т.д.) (88%); публичные интернет-каналы (открытые группы в социальных сетях, интернет-СМИ и т.д.) (77%); неформальные связи с представителями других участников конфликта (44%); традиционные каналы массовой коммуникации (электронные и печатные СМИ, листовки, билборды и др.) (66%). Для поддержания внутренних коммуникаций субъекты городских конфликтов наиболее часто используют: публичные интернет-каналы (открытые группы в социальных сетях, интернет-СМИ и др.) (66%); непубличные интернет-каналы (закрытые группы в социальных сетях, мессенджеры и др.) (66%); офлайн-каналы (собрания, встречи, совещания и др.) (77%).

Заключительный блок вопросов касался того, какими источниками информации о городских конфликтах пользуются сами эксперты. Выяснилось, что лидирующие позиции среди источников информации занимают интернет-СМИ (100%), социальные сети (30%) и непосредственное общение со знакомыми, друзьями (30%).

Что касается доверия к местным СМИ, то большинство экспертов (88%) уверены в том, что СМИ обычно освещают конфликт в негативном ключе — как усугубление существующей проблемы, что не способствует ее решению. Лишь каждый третий эксперт полагает, что массмедиа просто нейтрально сообщают о наличии какой-либо проблемы. Кроме того, на взгляд экспертов, к освещению городских конфликтов СМИ подходят дифференцированно: одни конфликты освещаются больше, другие же гораздо меньше, что также не способствует их конструктивному урегулированию.

Таким образом, внешне спокойная (но не безмятежная) жизнь миллионного города при помощи экспертного опроса была диагностирована на предмет ее внутренней стабильности и внешней устойчивости. Помимо открытых конфликтов, не раз будораживших сознание и чувства горожан (незаконная застройка, особенно исторической части города; опасения по поводу добычи никеля в Черноземной полосе и т.д.), существует куда более обширное поле разнообразных разделительных линий (кливажей), которые пока существуют в своей начальной стадии, но при неблагоприятном стечении обстоятельств могут стать актуальными. Перечень конфликтогенных факторов, главными из которых остаются эгоистические интересы бизнес-структур, превалирующие над интересами других сегментов городского сообщества, а также манипуляции

третьих сторон в своих интересах, показывает, что без должных управленческих воздействий со стороны как городских, так и региональных властей разрешить городские конфликты не удастся. Уже в силу этого отмеченная экспертами стратегия уклонения, свойственная преимущественно городским структурам, не может быть признана успешной (во всяком случае в средне- и долгосрочной перспективе).

Одной из важнейших для воронежского социума остается проблема коммуникации между различными его сегментами. Как показывают проведенные здесь ранее исследования, взаимодействие различных сред (профессиональных, культурных и т.д.) развито явно недостаточно (Глухова, 2012, 109–149), в силу чего организованного противодействия лоббистским структурам пока не сложилось. Даже общественное движение за сохранение исторического облика Воронежа, весьма заметное в 2000-е гг., в настоящее время фактически сошло на нет по причине неравенства сил в борьбе со строительными компаниями, многие из которых имеют своих представителей среди депутатов областной и городской думы. Вместе с тем без выстраивания коалиций, активизации взаимодействия с региональными властными структурами, прежде всего с губернатором А. В. Гордеевым, авторитет которого очень высок, определять городскую повестку дня, влиять на принимаемые решения либо непосредственно участвовать в них городскому сообществу вряд ли удастся.

Эксперты о городских конфликтах (Краснодар)

Большинство экспертов согласились с предложенным авторами исследования определением городского конфликта. Уточнения, предлагаемые в ходе опроса, касались необходимости отразить ценностный аспект конфликтов («столкновение не только интересов, но и ценностей»), а также выбор в ходе столкновения путей их урегулирования. Два эксперта также подчеркнули, что часто конфликты представляют проекцию проблем, возникающих на более высоком уровне социально-политических взаимодействий, на городское социальное пространство.

К числу наиболее важных факторов конфликтности опрошенные отнесли: нежелание власти учитывать интересы горожан (средняя оценка по шкале от 0 до 10 баллов — 7,2), жесткие ограничения ресурсов у власти для решения проблем горожан (7,1), преобладание интересов бизнеса над интересами других сегментов городского сообщества (6,6), отсутствие коммуникации между властью и горожанами (6,5). Среди факторов конфликтности, выделенных экспертами помимо предложенных в опросном листе, следует отметить такие, как появление мест компактного проживания этнических меньшинств, сращивание бизнеса и власти, ориентация лиц, принимающих решения, на краткосрочную перспективу.

Наиболее распространённым типом конфликтов эксперты посчитали градостроительные, связанные с планированием и реализацией пространственного развития (отмечены всеми экспертами; предлагалось отметить до трёх вариантов).

Большинство экспертов также выделили значимость конфликтов в социальной сфере (по поводу работы городских служб, ЖКХ), конфликты в сфере городской инфраструктуры (общественный транспорт и др.). 50% экспертов указали экологические конфликты.

К числу основных субъектов конфликтов была отнесена в первую очередь местная власть или отдельные её структуры. Также все эксперты отметили различные сегменты городского сообщества, определяя их с большей или меньшей точностью («дольщики», «пассажиры», «мигранты», «активная общественность», «сообщества в социальных сетях» и другие варианты). Среди прочих часто упоминаемых субъектов следует отметить бизнес (некоторые эксперты конкретизировали его как «застройщиков», т.е. строительные компании). Упомянулись также региональные власти, «силовики», политические партии и движения, лидеры общественного мнения, СМИ.

В отношении большинства выделенных в опросе субъектов городских конфликтов отмечен достаточно высокий уровень их позитивного (направленного на урегулирование) воздействия на конфликт. Наиболее положительно оценены в этом плане городские органы исполнительной власти (отметили 90% экспертов), городские органы представительной власти, общественные организации, этнические сообщества (по 80%). Наибольшее количество отрицательных оценок (воздействие, направленное на эскалацию конфликта) получили бизнес-структуры (70%). При этом следует отметить, что многие эксперты давали амбивалентные оценки тем или иным субъектам конфликтов, отмечая возможность как положительного, так и отрицательного их воздействия на конфликт. Вследствие этого некоторые из них имеют высокий антирейтинг: роль общественных организаций негативно оценили 60% экспертов, а для СМИ одинаковое число положительных и отрицательных оценок (также по 60%).

Эксперты признают низким уровень готовности участников конфликтов к коалиционным действиям: 40% из них считают образование коалиций нехарактерным для городских конфликтов, 50% отмечают возможность образования относительно узких союзов из 2–3 участников.

Весьма позитивны оценки конструктивности взаимодействия участников городских конфликтов. Особенно хорошо налажено взаимодействие такого рода между городскими властными структурами и городскими сообществами, некоммерческими организациями (по 70–90% положительных оценок). Столь же конструктивно взаимодействуют городские сообщества и некоммерческие организации между собой. В то же время нужно отметить особую позицию бизнеса в структуре указанных взаимодействий. Если он в целом хорошо коммуницирует с городскими властями (70–80% положительных оценок), то во взаимодействии с общественностью наблюдается явно худший результат — 60% экспертов оценивают его как преимущественно деструктивное (при 30% положительных оценок).

Также лишь 50% экспертов говорят о конструктивном взаимодействии бизнеса с некоммерческими организациями (при 30% негативных оценок).

К числу наиболее выраженных позитивных последствий городских конфликтов относятся выработка технологий, улучшающих коммуникацию между участниками подобных конфликтов, формирование и структурирование городских сообществ (так считают по 50% экспертов). Среди негативных последствий конфликтов наиболее часто отмечаются: сохранение причин, которые могли бы вызвать подобные конфликты в будущем (70%), обострение подобных конфликтов в дальнейшем (60%), повышение социальной напряжённости в городской среде (50%). Таким образом, некоторые отрицательные последствия конфликтов более ярко выражены, нежели положительные.

Наиболее значимые формы проявления городской конфликтности — публичные акции как конвенционального, так и протестного типа. При этом экспертами выдвигалось достаточно много обоснований распространения протестных форм политической активности на этом уровне. Их можно обобщить следующим образом: проблемы коммуникативного характера, отсутствие каналов, навыков коммуникации между участниками конфликтов, прежде всего между городскими властями и горожанами; ограниченность экономических и правовых ресурсов местных властей, не позволяющая решать важные для города проблемы; неразвитость технологий управления конфликтами (восприимчивость к действиям провокаторов, преимущественное использование силовых методов и др.); несвоевременная реакция властей на возникновение проблем, обуславливающих конфликт; более высокая эффективность протестных форм воздействия на власть по сравнению с конвенциональными способами политического участия. Предложенные экспертами примеры конструктивного и деструктивного развития конфликтов в городской жизни Краснодара свидетельствуют о том, что конструктивное развитие обеспечивается в условиях диалога (или «триалога», как выразился один из экспертов, характеризуя ситуацию взаимодействия властей, строительных компаний и горожан). К деструктивному развитию приводят прежде всего односторонние действия участников, попытки реализовать частные интересы в ущерб общим, непродуманные управленческие решения.

По результатам исследования не выявлено чётких тенденций преобладания какой-либо из стратегий поведения в действиях определённых субъектов городских конфликтов (в вопросе использовалась классификация Томаса — Киллмена). Наиболее часто экспертами отмечалось преобладание стратегий ухода от конфликта или конкуренции, причем последняя наиболее характерна для различных властных структур.

Повышение уровня конструктивности конфликтов обычно связано с институциональными изменениями как в формальных, так и в неформальных правилах взаимодействия их субъектов. В отношении конфликтов в городском социальном пространстве был выдвинут ряд предложений по совершенствованию

нию институциональных норм и практик. В сфере формального регулирования они направлены прежде всего на изменение порядка формирования городских властных структур (возвращение к прямым выборам мэров городов), создание структур общественного контроля, изменения правовых основ градостроительной политики, обеспечения финансовой основы деятельности МСУ. Также экспертами отмечалась необходимость чёткого выполнения уже существующих правил. В неформальной сфере отмечается необходимость заключения соглашений между активными участниками жизни города по спорным вопросам, развития коммуникативных и посреднических практик, обеспечения большего уровня транспарентности в сфере принятия управленческих решений, повышения уровня доверия через позитивные практики взаимодействия.

Необходимо отметить разнообразие каналов внешней и внутренней коммуникаций участников конфликтов. Для связей с внешней средой наиболее активно используются публичные интернет-каналы (открытые группы в социальных сетях, интернет-СМИ и др.), отмеченные 90% экспертов. Также весьма распространены официальные каналы коммуникаций (обращения в органы власти, публичные слушания и др.), их отметили 60% экспертов (в данном вопросе можно было выбрать несколько вариантов ответа). Внутренние коммуникации осуществляются преимущественно через непубличные интернет-каналы (закрытые группы в социальных сетях, мессенджеры и др.), выделенные 80% экспертов. Часто используются и традиционные форматы взаимодействия — собрания, встречи, совещания (70%). Публичные интернет-каналы используются и для коммуникаций этого типа (60%).

Основным источником информации о городских конфликтах участники опроса считают интернет-СМИ и социальные сети (по 90%). Существенно реже информация поступает из электронных СМИ (50%). При этом мнения экспертов по поводу характера освещения в СМИ тематики городских конфликтов разделились. По 30% считают что они освещаются в негативном или, напротив, в позитивном ключе, а 40% подчеркивают нейтралитет СМИ в этом вопросе. Однако эксперты практически единодушны в том, что некоторые городские конфликты освещаются существенно больше, чем другие аналогичные ситуации (90%). Таким образом, раскрученность конфликта через медийные каналы имеет существенное значение для привлечения внимания заинтересованных субъектов к конкретной ситуации.

Результаты исследования по Краснодару показывают, что острота и интенсивность городских конфликтов находятся на высоком уровне. Такие выводы подкрепляются и результатами наблюдений: население города растёт высокими темпами, ведётся активная и масштабная застройка, что естественным образом ведёт к проблемам в сферах инфраструктуры, транспорта, социального обеспечения и т.д. В то же время некоторый оптимизм местных экспертов, особенно в отношении коммуникаций общества и власти, скорее всего связан со

сменой руководителя краевого центра, произошедшей в 2016 г. Хотя результаты управленческой деятельности новой команды пока не так хороши, как на то рассчитывает городская общественность, демонстрируемый ею открытый стиль общения по поводу городских проблем позволяет надеяться на переход к более конструктивным формам регулирования конфликтности.

Эксперты о городских конфликтах (Ярославль)

Большая часть экспертов, принявших участие в опросе, согласилась с предложенной дефиницией городского конфликта, как «столкновение интересов различных субъектов, действующих в рамках городского сообщества, по поводу проблем локального уровня, формирующихся в его социальном пространстве». Иных вариантов предложено не было.

Основными факторами, влияющими на развитие городских конфликтов, эксперты называют нежелание власти учитывать интересы горожан (7,4 балла по шкале от 0 до 10 баллов); отсутствие коммуникации власти и горожан (7) и жесткие ограничения ресурсов у власти для решения проблем горожан (6,9); преобладание интересов бизнеса над интересами других сегментов городского сообщества (5,8).

Наиболее распространёнными типами городских конфликтов эксперты признали градостроительные конфликты (88%) и конфликты в социальной сфере (работа ЖКХ, городских служб и др.) (82%). Значительно меньше выделили конфликты в сфере городской инфраструктуры (работа общественного транспорта, городские парковки и др.) (59%).

Отвечая на вопрос об основных субъектах городских конфликтов, 64% респондентов указали органы власти местного и регионального уровня, 41% — горожан, 36% — «градозащитников», 30% — гражданских активистов. Таким образом, эксперты выделили главными субъектами городских конфликтов органы власти местного и регионального уровня и горожан.

Эксперты были практически единодушны в том, что субъектами, чьи действия могут быть направлены на эскалацию городских конфликтов, могут быть практически все акторы. При этом основными среди них были названы региональные и городские органы исполнительной власти, а также НКО (по 82%). НКО являются точками кооперации граждан в борьбе за свои права; они выступают оформленным субъектом коллективных действий граждан. При этом именно решения органов городской и региональной исполнительной властей зачастую нарушают сложившиеся балансы сил и интересов, вызывающих конфликты.

Далее (по 76%) были названы региональные органы представительной власти, федеральные органы исполнительной власти, федеральные органы представительной власти, сообщества мигрантов, землячества, территориальные сообщества граждан (организованные жители района, квартала и др.).

70% экспертов отметили, что эскалации могут способствовать этнические сообщества и их представители, по 64% экспертов — городские органы представительной власти и бизнес-структуры, действующие на территории города.

В наибольшей степени на деэскалацию направлены действия общественных организаций, участвующих в решении городских проблем (экологические, урбанистские, правозащитные и др.) и политических партий (по 47%), местных и региональных СМИ (41%), а также городских органов представительной власти.

Важно отметить, что четверть экспертов амбивалентно оценили действия политических партий, СМИ, бизнес-структур: они могут быть в одних случаях направлены на эскалацию, а в других — на деэскалацию городских конфликтов.

По результатам опроса эксперты отметили, что для городских конфликтов характерно возникновение коалиций, однако большая часть из них (так считают 70% экспертов) состоят из 2–3 субъектов.

Эксперты отмечают, что в целом взаимодействие между основными субъектами городских конфликтов конструктивное. Лишь в отношениях бизнес-структур и городских сообществ, по мнению экспертов, в равной степени присутствуют как деструктивные, так и конструктивные элементы взаимодействия. Значительные элементы деструктивного взаимодействия наблюдаются в отношениях городских органов исполнительной власти и городских сообществ. Это вполне объяснимо, так как это наиболее сложные субъекты, олицетворяющие интересы и действия, из-за которых возникли конфликты, вокруг которых формируются коалиции.

Наиболее конструктивно взаимодействие между:

- городскими органами исполнительной власти и бизнес-структурами (88%). Это вполне логично, так как зачастую оба указанных субъекта выступают единым фронтом (разрешение на застройку парковых зон, строительство предприятий и т.д.);

- НКО и городскими сообществами (88%). Это также вполне закономерно, так как оба субъекта представляют интересы граждан, которые зачастую нарушаются или ущемляются решениями органов власти и действиями бизнес-структур;

- городскими органами представительной власти и городскими сообществами (82%);

- НКО и городскими органами исполнительной власти (82%);

- городскими органами представительной власти и бизнес-структурами (76%);

- НКО и бизнес-структурами (76%);

- НКО и городскими органами представительной власти (76%).

Среди наиболее часто встречающихся конструктивных последствий городских конфликтов эксперты назвали формирование городских сообществ; структурирование городского сообщества, содействующего развитию города. К числу иных конструктивных последствий городских конфликтов отнесены:

увеличение вероятности конструктивного урегулирования подобных конфликтов в дальнейшем; решение проблемы, вызвавшей конфликт. Однако в целом следует отметить, что положительные последствия конфликта выражены незначительно — средняя оценка большинства из них находится в диапазоне 4–6 баллов.

Основным деструктивным последствием городских конфликтов эксперты назвали сохранение причин, которые могли бы вызвать подобные конфликты в будущем. Можно отметить и другие, наиболее значимые деструктивные последствия городских конфликтов: повышается социальная напряжённость в городской среде; на участников оказывается такое давление, что они исключаются из общественной жизни, формируется негативный опыт участия, влияющий на все городское сообщество в целом, и т.д. Как считают эксперты, деструктивные последствия проявляются в большем объёме, нежели конструктивные.

Эксперты отмечают (82%), что наиболее характерная форма развития городских конфликтов — публичные акции конвенционального типа (обращение в органы власти, в СМИ, создание петиций и др.). По их мнению (53%), также часто можно наблюдать публичные акции протестного типа (митинги, пикеты, голодовки и др.). Наиболее редко встречаемой формой протекания городских конфликтов являются непубличные формы взаимодействия (переговоры между заинтересованными сторонами, создание коалиций и др.) (30%).

Основная причина появления протестных форм участия в конфликтах, по мнению экспертов, в неэффективном диалоге власти и граждан (59%). Другими значимыми причинами назывались: неготовность одной из сторон конфликта идти на компромисс (либо власти, либо граждан); не решаемость проблемы; отсутствие реакции власти на проблему на начальной стадии; отдельные ситуативные проблемы (например, избирательный процесс, политические факторы, деструктивные реакции акторов).

Среди примеров конструктивного развития городских конфликтов эксперты называли случаи успешного решения проблем (благоустройство территорий, сохранение исторического наследия и т.д.), а также формирования эффективной коммуникации граждан и власти (посредством создания постоянно действующего взаимодействия заинтересованных сторон, встреч с депутатами).

Среди примеров деструктивного развития городских конфликтов были названы внутриэлитные конфликты, ухудшение положение отдельных социальных групп, разрастание конфликта, игнорирование властью позиции горожан (в частности, точечная застройка города).

Стратегию уклонения в городских конфликтах наиболее часто, по мнению экспертов, используют федеральные органы исполнительной и представительной власти (30% и 36% соответственно), региональные органы исполнительной власти (30%) и городские органы исполнительной власти (24%).

Стратегию конкуренции (навязывание оппонентам своей точки зрения) выбирают часто политические партии (53%), бизнес-структуры, действующие на территории города (47%), городские органы исполнительной власти (41%), региональные органы исполнительной власти (41%).

Стратегия приспособления (подчинение своих интересов интересам других участников) является, по мнению экспертов, наименее применимой в городских конфликтах. Ее используют городские органы представительной власти и федеральные органы представительной власти (18%).

Выбор стратегии компромисса характерен для общественных организаций, участвующих в решении городских проблем (экологических, урбанистских, правозащитных и др.) (41%), местных и региональных СМИ (30%), региональных органов представительной власти, территориальных сообществ граждан (организованные жители района, квартала и др.), бизнес-структур, действующих на территории города (по 24%).

Стратегия сотрудничества (совместные действия для достижения общих целей) предпочтительна для НКО (59%), общественных организаций, участвующих в решении городских проблем (экологических, урбанистских, правозащитных и др.) (53%), федеральных органов представительной власти (41%), городских органов представительной власти, этнических сообществ, сообществ мигрантов и землячества, территориальных сообществ граждан (все по 36%).

Таким образом, различные объединения граждан — это те субъекты городских конфликтов, которые наиболее часто практикуют стратегию сотрудничества в городских конфликтах.

Как считают эксперты, повышению уровня конструктивности городских конфликтов могут содействовать следующие изменения формальных правил: закрепление и регламентация процедур; диалог, взаимодействие органов власти и граждан (публичные слушания по застройке, отчеты); привлечение внешних независимых экспертов к процессу принятия решений органами власти; введение института медиатора; повышение дисциплины в соблюдении норм законодательства; повышение ответственности должностных лиц за их действия и принимаемые решения; упрощение процедуры проведения местного референдума.

Среди приоритетных изменений неформальных правил, способствующих повышению уровня конструктивности городских конфликтов, эксперты назвали: профилактику конфликтов, интенсификацию межсекторного взаимодействия, взаимодействия власти и граждан, привлечение экспертного сообщества, запрет на силовые методы конфликтного взаимодействия.

Таким образом, эксперты отмечают приоритетным механизмом повышения конструктивности городских конфликтов (как в аспекте изменения формальных, так и неформальных практик) интенсификацию взаимодействия субъектов и носителей интересов в городском пространстве.

Как отмечают 77% экспертов, для поддержания внешних коммуникаций субъекты городских конфликтов наиболее часто используют официальные каналы (обращения в органы власти, публичные слушания и др.) и публичные интернет-каналы (открытые группы в социальных сетях, интернет-СМИ и др.). Существенно реже используются офлайн-каналы (соборания, встречи, совещания и др.) (41%), а также непубличные интернет-каналы (закрытые группы в социальных сетях, мессенджеры и др.) (35%).

Доминирующим каналом внутренней коммуникации среди субъектов городских конфликтов, по мнению экспертов, являются непубличные интернет-каналы (закрытые группы в социальных сетях, мессенджеры и др.) (82%). Далее по значимости идут офлайн-каналы (соборания, встречи, совещания и др.) (59%) и публичные интернет-каналы (открытые группы в социальных сетях, интернет-СМИ и др.) (53%).

Основными источниками информации о городских конфликтах названы социальные сети (71%) и электронные СМИ (65%). При этом традиционные СМИ практически не используются в качестве источника информации о городских конфликтах.

77% экспертов отмечают, что СМИ сообщают о городских конфликтах, но чаще нейтрально (как сообщение о наличии проблемы). 30% экспертов указали, что СМИ представляют городские конфликты главным образом в негативном ключе (как усугубление существующей проблемы).

Вероятнее всего это связано с некоторой необъективностью СМИ в освещении городских конфликтов, игнорированием вызывающих их проблем. 53% экспертов отметили, что некоторые конфликты упоминаются в СМИ значительно чаще других, а 30% указали, что СМИ игнорируют наличие тех или иных конфликтов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что городские конфликты порождают ситуации отсутствия эффективно функционирующих механизмов согласования интересов субъектов городской жизни. Наиболее часто они возникают в тех случаях, когда совпадают интересы власти и бизнеса (вопросы градостроительства) в противовес интересам горожан.

Обобщение и выводы

Результаты исследования позволяют составить достаточно ясное представление о специфике социальной и политической жизни городского сообщества в части конфликтных взаимодействий его основных акторов.

Ключевые факторы городской конфликтности связаны с деятельностью местных властей, которые по объективным (ограниченность ресурсов) и субъективным (невнимание к интересам граждан) причинам не выполняют свои функции по стабилизации общественно-политического пространства и координации интересов внутри городского сообщества. В целом в спектре факторов, порож-

дающих конфликтность в городском сообществе, преобладают эндогенные, а не экзогенные факторы, касающиеся преимущественно дефектов коммуникативной и функциональной подсистем городской управленческой системы, а не внешних по отношению к ней воздействий и ограничений.

Градостроительные конфликты наиболее распространены в крупных региональных центрах. Более того, другие распространенные типы конфликтов (в сфере ЖКХ, городской инфраструктуры) косвенно связаны с ними, так как быстрая и неупорядоченная застройка создаёт критическую нагрузку на эти отрасли городского хозяйства. Само развитие городов становится главным «нервным центром» противоречий, что свидетельствует о его несбалансированности, подтверждая мысль о преобладании частных интересов над общими.

Городские конфликты разворачиваются во взаимоотношениях субъектов трёх основных типов: местные органы власти (преимущественно исполнительной) — бизнес-структуры (в основном застройщики) — городская общественность (т.е. активисты). Остальные участники являются «актёрами второго плана», хотя и могут оказывать существенное воздействие на конфликты, оставаясь при этом не на виду для сторонних наблюдателей. При этом органы власти и бизнес достаточно легко находят возможности конструктивных отношений, что косвенно свидетельствует о достаточно большой степени общности интересов.

В то же время во взаимодействии указанных субъектов с городскими сообществами, НКО наблюдаются существенные проблемы. В этом смысле несколько выделяется Краснодар, где городские власти в последние годы демонстрируют активный поиск контактов с общественными структурами. Такое положение дел свидетельствует о латентном противостоянии внутри городской среды, связанном с наличием альянса власти (или отдельных её представителей) и бизнеса и проявляющимся в отдельных конфликтных ситуациях. Это является признаком функционирования городских политических режимов в формате «машины роста» (Logan, Molotch, 1988; Ледаев, 2006; Трубина, 2011; Тыканова, Хохлова, 2015), отодвигающем интересы других сегментов городского сообщества на второй план. Возможности повышения ранга структур гражданского общества также препятствует низкий уровень сотрудничества между ними, в частности, отказ от образования широких коалиций. При этом само их участие в конфликтах способствует формированию городских сообществ, способных отстаивать свои интересы.

Как следует из ответов, эксперты склонны рассматривать городские конфликты и их конструктивную роль в городском сообществе не тактически (т.е. сиюминутно), но в долгосрочной перспективе, как способ профилактики возможных серьезных социальных и политических расколов, которых таким образом можно избежать. Вместе с тем такие конструктивные последствия городских конфликтов, как выработка технологий, улучшающих коммуникацию между участниками подобных конфликтов, или снижение социальной напря-

женности в городской среде нашли гораздо меньшую поддержку экспертов. Недооцененной осталась и задача выработки новых норм и правил поведения участников подобных конфликтов («правил игры»), без которых по конфликтологической теории проявление конструктивного потенциала конфликтного взаимодействия невозможно. Симптоматично и то, что позитивные последствия конфликтов в целом проявляются меньше, чем негативные.

Конфликты в городской среде, как правило, приводят не к разрешению проблем, а к их усугублению. Это означает, что одна из основных функций конфликтов — снятие или смягчение противоречий между участниками — не выполняется. Также плохо реализуется и функция «защитного клапана», что выражается в росте социальной напряжённости как одном из итогов конфликтов. Это также косвенно свидетельствует о недостатке конструктивности во взаимодействии их основных субъектов.

Функциональная роль и последствия конфликтов в решающей степени зависят от тех форм, в которых они разворачиваются. Институционализованные формы конфликтов, как правило, способствуют проявлению их позитивного потенциала; внеинституциональные формы, напротив, чреватые неконвенциональными или даже насильственными действиями и далеко не всегда полезны для общества. Преобладание открытых форм развития указывает на то, что публичная политика остаётся важным фактором развития местных сообществ, что само по себе можно рассматривать как положительное явление. При этом обращает на себя внимание рост протестных форм активности.

Протест как форма политического действия становится все более характерным признаком нынешней политической ситуации в России как на федеральном, так и на региональном, и даже локальном уровнях. При этом выражение протестов в законных, институциональных формах рассматривается в рамках конфликтологической теории как позитивное действие, способствующее решению накопившихся проблем. Одновременно необходимо диагностировать причины протестов, для того чтобы грамотно купировать их возможные негативные проявления. Проведённое исследование говорит о сочетании причин институционального характера (несовершенство норм либо отказ от реализации их на практике, недостаток ресурсов у институтов местного самоуправления, отсутствие доверия друг к другу у сторон конфликта) и коммуникативного характера (отказ от общего диалога всех участников, использование манипулятивных практик).

В связи с тем, что эксперты отнесли к категории деструктивных преимущественно конфликты между городскими органами исполнительной и представительной власти, с одной стороны, и городскими сообществами/некоммерческими организациями, с другой стороны, ответственность за возможную деструкцию (рост напряженности, неконвенциональные действия, эскалация конфликта) ложится преимущественно на городскую власть. Стратегия конкуренции, которую они часто используют в качестве основной, плохо сочетается

с необходимостью выступать в роли третьей стороны, брать на себя основную миссию в урегулировании конфликтов. При этом преимущественно через властные структуры выстраиваются отношения между другими участниками конфликтов, которые, как показывает исследование, не всегда могут вступить в прямую коммуникацию друг с другом. Не способствует этому и избирательное освещение конфликтов в СМИ.

По справедливому утверждению А. И. Кольбы, подтвержденному нашим исследованием, в основе политического управления городским конфликтом лежит принцип взаимодействия сетевых и иерархических структур, первые из которых базируются на силе слабых связей между элементами городского сообщества, а вторые символизируют городскую власть в традиционном значении этого термина. В городской среде необходимо создавать институциональные условия для их конструктивных контактов. «Непрерывность и проактивный характер управления конфликтом повышают шансы на его позитивное развитие. Конфликт должен быть включен в деятельность структур управления, чтобы быть ближе к типовой, а не чрезвычайной ситуации. Это позволяет создать определенные схемы и алгоритмы управления, способствует повышению конфликтологической компетентности участников» (Кольба, 2016).

В настоящее время принципы открытости, восприятия конфликта как ситуации, способствующей развитию городского пространства, всё ещё не в полной мере воплощаются в политико-управленческой практике. Для того чтобы трансформировать их, переводя из разряда угроз в разряд возможностей, необходимы комплексные институциональные и технологические изменения.

Библиографический список

1. Байнова, М. С. (2015). Земельные конфликты в процессе градостроительной деятельности. *Конфликтология*, (1), 161–181.
2. Дворникова, С. В. (2015). Городская конфликтологическая служба как институт конфликторазрешения социальных конфликтов на муниципальном уровне. В *Теоретико-концептуальные и методические подходы к развитию мировой науки и техники в XXI веке* (Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (2 апреля 2015 г.)) (с. 47–53). Ростов-на-Дону.
3. Иванов, О. Б., Ильинская, Ю. И. (2017). Проблема типологии градостроительных конфликтов в России. Режим доступа http://e-notabene.ru/pr/article_22596.html
4. Кольба, А. И. (2016). Принципы политического управления городскими конфликтами. В О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, Л. Н. Тимофеева (ред.) *Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития* (Материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва, РАНХиГС при Президенте РФ. 25–26 ноября 2016 г. (с. 145–146). Москва: РАПН.
5. Котляров, М. А. (2017). Экономические аспекты разрешения конфликтов в процессе градостроительной деятельности. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*, (1), 35–38.

6. Ледаев, В. Г. (2006). Социология власти: теория городских политических режимов. *Социологический журнал*, (3/4), 44–68.
7. Глухова, А. В. (ред.). (2012). *Модернизационный потенциал Воронежской области: опыт исследования и условия реализации* (Монография). Воронеж.
8. Трубина, Е.Г. (2011). *Город в теории: опыты осмысления пространства*. Москва: Новое литературное обозрение.
9. Тыканова, Е. В., Широканова, А. А. (2015). Коммуникативные модели конфликтного взаимодействия городских властей, бизнеса и горожан (на примере Санкт-Петербурга и Минска). В *Базовые модели и технологии GR и лоббизма в России и Беларуси: сравнительный анализ* (с. 118–124). Санкт-Петербург, Минск.
10. Тыканова, Е. В. (2013). Стратегии и тактики оспаривания городского пространства группами интересов (на примере конфликтов вокруг городского развития в Санкт-Петербурге). *Вестник Санкт-Петербургского университета*, Сер. 12, (1), 108–115.
11. Тыканова, Е. В., Хохлова, М. А. (2014). Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случая сноса гаражей в Санкт-Петербурге). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 5 (76), 109–126.
12. Тыканова, Е. В., Хохлова, М. А. (2015). Городской политической режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство. *Журнал исследований социальной политики*, 13 (2), 241–256.
13. Чернова, Е. Б. (2014). Градостроительный конфликт как способ оздоровления города. Режим доступа <http://novayagazeta-vlad.ru/243/Obshchestvo/Gradostroitelniykonfliktkaksposobozdorovleniyagoroda>
14. Logan, J. & Molotch, H. (1988). *The City as a Growth Machine. In Urban Fortunes: the Political Economy of Place* (pp. 47–61). Berkley and Los Angeles: University of California Press.

Статья поступила в редакцию 14.10.2017.

.....

POLITICAL–INSTITUTIONAL AND COMMUNICATIVE ASPECTS OF INTERACTION OF SUBJECTS OF URBAN CONFLICTS (BASED ON EXPERT SURVEY)

Glukhova A. V., Kol'ba A.I., Sokolov A. V.

Glukhova Aleksandra Viktorovna, Voronezh State University, 394088, Russia, Voronezh, Nevsky Str., 15 V E-mail: avglukhova@mail.ru

Kol'ba Aleksey Ivanovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149 E-mail: alivka2000@mail.ru

Sokolov Alexander Vladimirovich, Yaroslavl State University, 150000, Russia, Yaroslavl, Sovetskaya Str., 14 E-mail: alex8119@mail.ru

The study was funded by RFBR, the project № 16–03–00402 “The political management of urban conflicts in Russia: actors, strategies, institutional base”.

The article presents the results of a study conducted in September 2017 in three major regional centers in Russia — Voronezh, Krasnodar, Yaroslavl. The study was conducted in the form of an expert survey. Experts were asked to answer questions (half-open and open type), distributed over several blocks. The main objectives of the study were: to determine the

significance of factors affecting the occurrence of urban conflicts; Identification of the main subjects of urban conflicts and mechanisms for their interaction; study of constructive and destructive consequences of urban conflicts; studying the forms of development of urban conflicts and the conditions that affect their occurrence in one form or another; the identification of mechanisms and ways to manage urban conflicts and the dependence of their use on the institutional environment, as well as the direction of their use; Assessment of the effectiveness of internal and external communications of conflicting groups; consideration of formats and intensity of their coverage in the information space. Based on the experts' answers, the specifics of the conflict in the three mentioned cities were examined, and a comparative analysis was carried out, which made it possible to draw general conclusions.

Based on the results of the study, the most significant conflict factors were identified, the main types and subjects of urban conflicts (public, authority, business) were identified, the structure of constructive and destructive interactions between them was identified, institutional and communicative problems in their relations were identified. The authors come to the conclusion that the interaction of the subjects of conflicts is not balanced (in particular, the power structures do not fully fulfill the role of a "third party" in conflicts), which raises the problem of realizing the interests of large segments of the urban community. This problem threatens its stability and is fraught with growing social tensions in the urban environment.

Key words: urban conflict, political institutions, political communications, public, power, business, urban community.

References

1. Bajnova, M. S. (2015). Zemel'nye konflikty v processe gradostroitel'noj dejatel'nosti [Land Conflicts in The Process of Urban Development]. *Konfliktologija* [Conflictology], (1), 161–181.
2. Chernova, E. B. (2014). Gradostroitel'nyj konflikt kak sposob ozdorovlenija goroda [Town-Planning Conflict as Way of Improvement of the City]. Retrieved from <http://novayagazeta-vlad.ru/243/Obshchestvo/Gradostroitelnykonfliktkakspozobozdorovleniyagoroda>
3. Dvornikova, S.V. (2015). Gorodskaja konfliktologicheskaja sluzhba kak institut konfliktorazreshenija social'nyh konfliktov na municipal'nom urovne [City Conflict Service as an Institution of Conflict in The Resolution of Social Conflicts at The Municipal Level]. In *Teoretiko-konceptual'nye i metodicheskie podhody k razvitiyu mirrovoj nauki i tehniki v XXI veke* [In Theoretical-Conceptual and Methodological Approaches to The Development of World Science and Technology in The 21st Century] (Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference (April 2, 2015)) (pp. 47–53). Rostov-On-Don.
4. Glukhova, A. V. (Ed.). (2012). *Modernizacionnyj potencial Voronezhskoj oblasti: opyt issledovanija i uslovija realizacii* [Modernization Potential of the Voronezh Region: Experience of Research and Conditions of Implementation] (Monograph). Voronezh.
5. Ivanov, O. B. & Il'inskaja, Ju. I. (2017). Problema tipologii gradostroitel'nyh konfliktov v Rossii [The problem of typology of urban conflicts in Russia]. Retrieved from http://enotabene.ru/pr/article_22596.html
6. Kol'ba, A. I. (2016). Principy politicheskogo upravlenija gorodskimi konfliktami [Principles of political management of urban conflicts]. In O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov & L.N. Timofeeva (Eds.) *Rossija v uslovijah novoj politicheskoj real'nosti: strategija i metody razvitija* [Russia in conditions of a new political reality: strategy and methods of development] (Materials of the All-Russian Scientific Conference of the Russian Association

- of Political Science. Moscow, RASHiGS under the President of the Russian Federation (November 25–26, 2016) (pp. 145–146). Moscow: Russian Association of Political Science.
7. Kotljarov, M. A. (2017). Jekonomicheskie aspekty razreshenija konfliktov v processe gradostroitel'noj dejatel'nosti [Economic aspects of conflict resolution in the process of urban development]. *Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN* [Journal "Akademicheskij Vestnik UralNIIproekt RAASN"], (1), 35–38.
 8. Ledjaev, V. G. (2006). Sociologija vlasti: teorija gorodskih politicheskikh rezhimov [Sociology of Power: The Theory of Urban Political Regimes]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], (3/4), 44–68.
 9. Trubina, E.G. (2011). *Gorod v teorii: opyty osmyslenija prostranstva* [City in theory: the experiences of understanding the space]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
 10. Tykanova, E. V. & Hohlova, M. A. (2014). Konflikt prav sobstvennosti v postsovetском gorode (na primere sluchaja snosa garazhej v Sankt-Peterburge) [Conflict of Property Rights in The Post-Soviet City (On The Example of the Demolition of Garages in St. Petersburg)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 5 (76), 109–126.
 11. Tykanova, E. V. & Hohlova, M. A. (2015). Gorodskoj politicheskij rezhim v Sankt-Peterburge: rol' real'nyh i voobrazhaemyh "mashin rosta" v bor'be za gorodskoe prostranstvo [City political regime in St. Petersburg: the role of real and imaginary "growth machines" in the struggle for urban space]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies], 13 (2), 241–256.
 12. Tykanova, E. V. & Shirokanova, A. A. (2015). Kommunikativnye modeli konfliktного vzaimodejstvija gorodskih vlastej, biznesa i gorozhan (na primere Sankt-Peterburga i Minska) [Communicative Models of Conflict Interaction of City Authorities, Business and Citizens (On The Example of St. Petersburg and Minsk)]. In *Bazovye modeli i tehnologii GR i lobbizma v Rossii i Belarusi: sravnitel'nyj analiz* [Basic Models and Technologies of GR and Lobbying in Russia and Belarus: Comparative Analysis] (pp. 118–124). St. Petersburg, Minsk.
 13. Tykanova, E. V. (2013). Strategii i taktiki osparivaniya gorodskogo prostranstva grup-pami interesov (na primere konfliktov vokrug gorodskogo razvitija v Sankt-Peterburge) [Strategies and Tactics of Challenging Urban Space by Interest Groups (On The Example of Conflicts Around Urban Development in St. Petersburg)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Ser. 12* [Bulletin of St. Petersburg University, Ser. 12], (1), 108–115.
 14. Logan, J. & Molotch, H. (1988). *The City as a Growth Machine. In Urban Fortunes: the Political Economy of Place* (pp. 47–61). Berkley and Los Angeles: University of California Press.